

Леонид Авербух

Одесские музы поэтов

Вера Слоним и Владимир Набоков

В некоторых одесских СМИ и публикациях время от времени появлялась информация о том, что якобы «...в доме № 22 по ул. Белинского (на месте нынешнего театра музкомедии) проживал с семьей помощник присяжного поверенного Владимир Львович (по некоторым данным Исаак Львович) Слоним... с очаровательной супругой Славой Фейгиной. На их дочери Вере женился автор «Лолиты» Владимир Набоков»... Однако приходится не без сожаления констатировать, что Вера Евсеевна Слоним-Набокова, кроме вышеназванного – литературный деятель, редактор и хранительница литературного наследия Владимира Набокова, родилась 5 января 1902 г. в Санкт-Петербурге в семье адвоката Гамшея Лейзеровича (Евсей Лазаревича, а никак не Исаака Львовича) Слонима (1865-1928), родом из Шклова. Матерью ее действительно была Слава Борисовна Слоним (урожденная Фейгина, 1872-1928), родившаяся в Могилеве, жена упомянутого Евсея Лазаревича. А помощник присяжного поверенного Владимир Львович Слоним, по свидетельству справочника «Вся Одесса» за 1911 г., действительно проживал на ул. Белинского, правда, в доме № 7, но прямого отношения к происхождению нашей героини не имел.

Отцу же нашей героини юристу Евсею Слониму после окончания Петербургского университета была присвоена степень кандидата права. В разное время он был лесопромышленником в фирме, занимавшейся экспортом леса из Смоленской губернии в Европу, а позже управляющим имением М.П. Родзянко (1913-1917). По ряду сообщений, занимался и издательской деятельностью.

От предложения присоединиться к одной из христианских конфессий отказался. В начале 1919 года женская половина семейства Слоним – мать, три дочери и служанка «с сорока тремя чемоданами» – бежала из революционного Петрограда, и не менее полугода семья прожила в Москве, так как Евсей Слоним после октябрьского переворота был приговорен большевиками к смертной казни, но бежал.

Евсей Слоним присоединился к семейству в Одессе, тогда городе, где хаос царил уже задолго до прихода большевиков. Точно-го срока пребывания Слонимов в нашем городе мне установить не удалось, однако источники сообщают, что Вера окончила шесть классов петербургской гимназии княгини Оболенской, в Москве к обучению не приступала, а после еще год училась в гимназии в Одессе, где окончила 7-й класс.

Во второй половине 1919 года семье удалось отправиться дальше, в Крым, где они несколько месяцев жили на чьей-то вилле в Ялте, последнем российском оплоте, удерживаемом белыми. Очевидно, в декабре Слонимы окончательно покинули Россию на канадском пароходе, капитан которого согласился перевезти пассажиров через Черное море. К этому времени жертвы войны потеряли практически все, что имели, пока добрались до южного порта.

Набоковы принадлежали к «старому, сказочно богатому аристократическому роду». Дед писателя служил министром юстиции при Александрах II и III, отец был известным юристом, входил в состав первой Думы. В семье сохранилась легенда о дуэли отца. Якобы он стрелялся с неким господином, посмевающим утверждать, что он, Владимир Дмитриевич, женился на Елене Рукавишниковой (матери Набокова) из-за денег. Рукавишниковы были миллионерами.

Супруги Набоковы-старшие родили пятерых детей, Владимир был старшим и любимым. Общению со сверстниками он предпочитал «общество бабочек», интеллектуальный досуг делил между шахматами и «пожиранием книг». Эти пристрастия сопровождали его на протяжении всей жизни. Читать и писать по-английски научился раньше, чем по-русски. Семья жила в Петербурге на Большой Морской, № 47, в трехэтажном особняке розового

гранита. Дом обслуживали пятьдесят лакеев; красный отцовский автомобиль отвозил Владимира в Тенишевское училище...

Летние месяцы Набоковы проводили в роскошном загородном имении Рождествено, доставшемся им по наследству от Руквишниковых, где в обиходе были распоряжения «старшим и младшим садовникам». Через пятьдесят лет советские литературоведы объяснят ненависть Набокова к СССР обидой за потерянные миллионы. Ненависти не было, его нелюбовь имела другой цвет и вкус: «Мое давнишнее расхождение с советской диктатурой никак не связано с имущественными вопросами. Презираю россиянина-зубра, ненавидящего коммунистов потому, что они, мол, украли у него деньжата и десятины. Моя тоска по родине лишь своеобразная гипертрофия тоски по утраченному детству». Эмиграционные скитания из советской России затянулись на полтора года. Наконец семья Набоковых осела в русском Берлине. В начале 20-х гг. именно здесь находился центр русской эмиграции – община насчитывала более полумиллиона человек и вела «не лишенную приятности жизнь в вещественной нищете и духовной неге». Здесь в марте 1922 года был убит отец Владимира Набокова Владимир Дмитриевич Набоков. Это произошло на лекции П.Н. Милюкова на своеобразную тему – «Америка и восстановление России», в здании Берлинской филармонии. В.Д. Набоков попытался нейтрализовать стрелявшего в Милюкова черносотенца, но был застрелен его напарником. За пятнадцать лет, прожитых в Германии, Владимир Набоков не прочел ни одной немецкой газеты и не слишком тяготился незнанием немецкого языка. Его жизнь состояла из эпизодических публикаций, литературных вечеров, подработки статистом на съёмочных площадках или в качестве учителя тенниса.

За шестьдесят лет своей литературной деятельности В.В. Набоков создал 50 книг, изданных миллионными тиражами, а первая из них – «Стихи»: так просто назвал юный Набоков свой первый поэтический сборник 1916 года. В статье «Ясность бессмертия (Воспоминания непредставленного)» А. Битов писал: «Читайте же стихи Набокова, если вам непременно хочется знать, кто был этот человек. Вы увидите Набокова и плачущим, и молящимся».

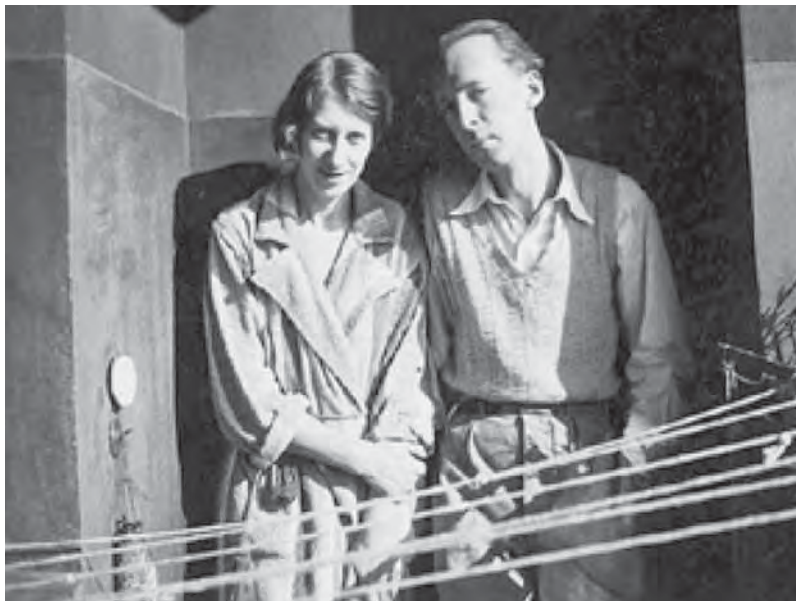
Он любил поэзию Бунина, Гумилева. И в жизни верен своей судьбе – без родины, без своего дома, в гостинице... А сравнения – великолепны: лужи, как фиалки; феина дочь – влюбленный жучок; кипарисы, как монахи; ангелом реет сиреневый дым; душа моя, как птица белая; гость – белый великан; тучка вогнутая, словно мокрый белый лепесток. Его поэзия – отчаяние, «молния боли жестокой», «смертное чувство любви». Наследие его огромно: романы, повести, рассказы, переводы, драмы. Романы – в основном на английском языке, поэзия преимущественно на родном русском. Его творчество принадлежит, в первую очередь, двум культурам – русской и американской. Это поэт невстречи, который «Россией всегда окружен». Поэт Сергей Гандлевский отмечал: «Пусть читатель, раздосадованный неуживчивостью и чрезмерностью прозы Набокова, откроет его стихи. Меня когда-то удивила и обрадовала эта лирика, чуть ли не есенинского трепета, непосредственности и даже беззащитности».

В Берлине семье Слоним удалось устроиться лучше, чем большинству товарищей по эмиграции: отец сумел продать недвижимость в России, организовал свою фирму и даже издательство, что, впрочем, позднее закончилось полным банкротством. Вера свободно говорила по-немецки и по-французски, сносно – по-английски. Она помогала отцу в делах, пробовала себя в литературном переводе.

Первая встреча молодого поэта и будущей «миссис Набоков» состоялась лишь в 1923 году, хотя у них была масса возможностей познакомиться еще в родном для обоих дореволюционном Петербурге, хотя бы уже потому, что племянница матери (двоюродная сестра Веры Слоним) Анна Лазаревна Фейгина (1888-1972) была близкой подругой Владимира Набокова. Уже известный в узких кругах поэт и ловелас, как пишет биограф, гуляя по улицам германской столицы, отгонял поклонниц тростью... Поздней весной 1923 года на благотворительном эмигрантском маскараде Владимиру передали записку: незнакомка назначила ему тайное свидание – поздним вечером на мосту. Он ждал ночную бабочку, гласит комментарий, а пришел серый волк... Позднее он узнал ее имя – Верочка Слоним. Она мечтала стать летчицей, стреляла из автоматического ружья в тире, ходила на боксерские

матчи и автогонки, яростно спорила о политике, и представься случай – застрелила бы Троцкого, – так говорили о ней. Каждый в русской эмигрантской среде понимал, кто и что имеется в виду, когда произносится «Верочка», – за этим именем скрывался боксер, вступивший в схватку и четко бьющий в цель. Она сумела вскружить голову двадцатичетырехлетнему поэту-сердцееду самым беспроегрышным способом – во время первого свидания. Стройный девичий силуэт едва угадывался под темными одеж- дами, лицо скрывала шелковая волчья маска, не снимая которой, она стала читать Набокову его же стихи. Вероятно, оба мгновенно ощутили друг в друге нечто действительно родственное, созвучие душевного и интеллектуального притяжений. На восьмом десятке лет Набоков признавался, что уже в момент первой встречи с Верой понял: эта женщина – его судьба. Своеобразным актом полного доверия Набокова к знакам судьбы стал предъявленный Вере уже в первые дни знакомства «донжуанский список» любов- ных побед (не из бахвальства, а лишь в подражание Пушкину!), насчитывавший около тридцати имен. На вопрос же о том, как все обернулось бы, не случись революции и эмиграции, Набоков безапелляционно отвечал: «Мы встретились бы в Петербурге и жили бы, примерно как сейчас». Мысль о том, что он мог вообще не встретить и не узнать Веру, даже не приходила ему в голову.

Спустя два года после знакомства молодые люди поженились. 15 апреля 1925 года в Вильмерсдорфской ратуше в Берлине со- стоялась гражданская вполне будничная церемония бракосочетания Веры Слоним и Владимира Набокова, куда не был приглашен никто из друзей. Не было сделано ни одной свадебной фотографии, а родственников поставили в известность лишь постфактум. Баронесса Мария Корф, бабушка Набокова, поинтересовалась: «А какого она вероисповедания?». Линия Веры Сло- ним соответствовала убеждениям большинства евреев-эмигран- тов из России, бывших и оставшихся одновременно иудеями и людьми русской культуры. Супруги Набоковы не были набожны в традиционном общинно-религиозном смысле этого понятия, и, судя по всему, в браке был достигнут практический компро- мисс. «Когда мы познакомились, Вера была светлая блондинка, но очень скоро сделалась у меня седой», – смеялся Набоков

В.В. и В.Е. Набоковы в Берлине. 1934 г.

в интервью. Действительно, Вера начала сидеть уже в возрасте двадцати пяти лет, но всю жизнь выглядела эффектно и неповторимо, даже в периоды тяжелого безденежья. Утонченная, хрупкая, с ее жемчужно-опаловой прической и фарфоровым цветом лица, она была «многогенична», как описывал Набоков одну из своих героинь в романе «Истинная жизнь Себастьяна Найта», «обладала неким таинственным даром – запоминаться...». В Вере Набоков встретил столь восхищавшее его сочетание женственной внешней хрупкости и неженского ума, силы воли, решительности и верности жизненным принципам. Немногочисленные друзья, например, благоразумно обходили стороной еврейскую тему, боясь непредсказуемой реакции Верочки. Она же могла начать знакомство с вызывающей фразы: «А вы знаете, что я еврейка?» – или наговорить дерзостей, лишь заподозрив в собеседнике юдофоба. Ее болезненное восприятие национального вопроса

граничило с паранойей. О бесстрашии Веры Слоним в эмигрантских кругах ходили легенды: она носила при себе браунинг-1900, с гордостью признаваясь, что была первоклассным стрелком.

Удивительно, но супруги Набоковы оба обладали редким даром синестезии, «цветным слухом» – печатные буквы, слова и тексты были окрашены для них в определенные цвета, имели запах и вкус. Эта пара синестетиков могла увлеченно спорить о том, какого цвета воскресенье или каким на вкус каждому чувствуется буква «М». Набокову нравилось рассказывать, что их единственный сын Дмитрий получил «в наследство» смешанную палитру от обоих родителей.

После замужества и банкротства отца Вера служила секретаршей в адвокатских конторах, стенографисткой, давала уроки французского и подрабатывала гидом в американском турагентстве. Набоков тоже преподавал английский, иногда давал уроки тенниса и бокса, но Вера, вернувшись домой, еще слушала, печатала и правила то, что написал за день ее муж, проводивший все свое время за письменным столом. Неудивительно, что многое Вера помнила наизусть – Набоков читал ей все тексты минимум дважды, обожал править написанное и уже напечатанное, наконец, Вера отстукивала на машинке несколько экземпляров окончательного варианта. Известно, что в 1930-1933 годы она зарабатывала в три раза больше Владимира. Стейси Шифф указывает, что годовой заработок Веры составлял сумму, превышающую три тысячи рейхсмарок – больше половины прибыли успешного банкира в те годы. Вместе с тем Вера никогда не признавалась и всегда отрицала, что содержала мужа, считая, что это может бросить тень на его реноме. По точному наблюдению ее отца, литературная деятельность всегда оставалась для Набокова главным делом в жизни, а также единственным занятием, к которому он был пригоден. Вера добровольно и самоотверженно приняла на себя заботу о творческой изоляции Набокова и не ошиблась в этом выборе.

В 30-е годы в литературном пространстве русского зарубежья взойшла звезда Набокова-Сириня – во многом именно благодаря усилиям госпожи Набоковой. Вершиной всего «русского периода» Набокова стал роман «Дар», в котором образ главной героини был, без сомнения, очень близок именно жене. Разумеется,

Вера отдавала себе отчет в том, какой человек и писатель стал ее мужем, и какая роль была предназначена ей в их браке. Вера же, словно в противовес, преуменьшала свою значимость в жизни и творчестве мужа, хотя, намеренно оставаясь в тени, вкладывала энергию, силы и способности только в карьеру Набокова и до последних дней неустанно заботилась о сохранении его литературного наследия. Сохранив все до последней строчки из опубликованного мужем, она не оставила ни одной копии собственных переводов и литературных опусов. До замужества Вера тоже начинала печататься в эмигрантских газетах, но, влюбившись в писателя и поверив в его талант, предпочла помогать ему, а не писать самой. Верина требовательность, пронизательность и интуиция не могли не сделать ее самой первой, восприимчивой и придирчивой читательницей произведений Набокова. И одновременно – первым и лучшим в мире набоковедом, полноценным профессиональным и интеллектуальным партнером.

9 мая 1934 года Вера родила сына. Владимир не замечал беременности жены пять месяцев – он творил! Знакомые удивлялись, что в семье Набоковых вообще могли родиться дети – настолько супруги были замкнуты друг на друге и самодостаточны. Впечатление было верным лишь отчасти. В разгар мирового экономического кризиса 30-х гг. в Германии к власти пришли нацисты. На дверях офисов появились таблички «Евреям вход запрещен!». Вера уже не могла прокормить семью из трех человек. Центр русской эмиграции переместился из Берлина в Париж – у Набокова не осталось читателей. Когда гений донашивал последние брюки, друзья организовали для него литературный тур по европейским странам, чтобы он мог хоть что-то заработать и вывезти семью.

В январе 1937 года Вера проводила Владимира на парижский поезд. Они не привыкли разлучаться – Набоков писал домой иногда по два письма в день. Через месяц почта принесла анонимный конверт: в письме на четырех страницах «доброжелатель» расписывал роман Владимира с некоей Ириной Гуаданини, русской эмигранткой 32 лет, разведенной дрессировщицей пуделей. Набоков писал жене: «Я и не сомневался, что слухи доползут до Берлина. Морды скользкие набить их распространителям! Мне, в конце концов, наплевать на гадости, которые с удовольствием

говорятся обо мне, и, думаю, тебе тоже следует наплевать. Жизнь моя, любовь моя. Целую твои руки, твои милые губы, твой голубой височек». Вера не поверила мужу. Он действительно в ней нуждался («...без того воздуха, что исходит от тебя, я не могу ни думать, ни писать – ничего не могу!»), но почему-то звал ее с сыном не в Париж, где жила Гуаданини, а на Ривьеру. Четыре месяца Вера переносила встречу и вдруг решительно заявила, что она с сыном едет в Чехословакию, к матери Владимира: надо показать бабушке внука – там и встретимся! Безумная идея для нищих эмигрантов. Но, может быть, вдали от разлучницы и в присутствии матери муж скорее вспомнит о семейных ценностях? Казалось, план по возвращению блудного мужа в лоно семьи удался – встреча состоялась, Владимир клялся в любви жене и сыну. В июле 1937 года Набоковы приехали во Францию и поселились в Каннах. Тут-то Вера и нашла письма мужа к Ирине, датированные чешским периодом. Между супругами состоялся решительный разговор – Вера поставила Владимира перед выбором: или семья, или любовница. Ультиматумы, правда, убивают чувства, и единственный раз в жизни Набоков действительно думал о разводе – разрывался между семьей и страстным наваждением, умолял жену подождать, писал любовнице письма, полные клятв и надежд, но в итоге остался с Верой, уже навсегда. Этому способствовало то, что в Канны примчалась Ирина Гуаданини. Без предупреждения, тайком, она выследила Владимира с сыном, когда они нежились на пляже. Назначила ему встречу. И Набоков испугался, увидев любовницу в преступной близости от семьи. Эта встреча с Гуаданини была последней – по требованию Веры он попросил Ирину вернуть его письма. Эта история стала для обоих Набоковых подтверждением ключевого жизненного принципа, позаимствованного писателем у Гоголя: сохранять только главное.

Во Франции с подачи Веры Владимир начал писать свой первый роман на английском – «Подлинная жизнь Себастьяна Найта». Семья ютилась в одной маленькой комнате и, по замечанию одного из биографов, это – «лучший английский роман, написанный верхом на биде»... Через три года, в мае 1940-го, всего за две недели до ввода немецких войск Набоковы вместе с еврейскими беженцами успели покинуть Францию, попав на последний рейс лайнера

«Шамплен». Оказавшись в Нью-Йорке уже не на положении белых эмигрантов, а в роли беженцев, они долго не могли найти работу, а ведь семья Набоковых эмигрировала в США с единственной сотней долларов в кармане. В Америке их никто не ждал, кроме девочки-литагента, подарившей им пишущую машинку, и нескольких знакомых, поделившихся обносками и временной крышей над головой. Они приехали из нищеты в нищету. Но отныне Набоков будет именовать себя «американским писателем».

Должность, которую предложили автору восьми романов, – упаковщик книг в магазине за шестьдесят восемь долларов в месяц. Свой отказ Набоков мотивировал тем, что к упаковке «решительно не приспособлен». Однажды Вера повела сына к парикмахеру, мастер старался разговорить ребенка и спросил, где их дом. «У нас нет дома», – ответил маленький Дмитрий, семья которого за три предыдущие года сменила более двадцати почтовых адресов. С помощью друзей Набокову удалось найти место преподавателя русской и мировой литературы. Вера сопровождала его практически на каждое занятие: подавала упавшие конспекты, подсказывала цитаты, умиряла слишком активных студентов, проверяла контрольные работы, принимала экзамены. На лекциях Набоков ругал английский перевод «Евгения Онегина», и Вера предложила мужу самому взяться за эту работу. Потом она очень об этом жалела. Рукопись заняла три большие коробки из-под обуви и целиком была перепечатана Верой, причем неоднократно. «В моей десятилетней работе над «Евгением Онегиным» сказались мои вкусы и антипатии. Переводя на английский его пять тысяч пятьсот строк, – писал Набоков, – я должен был выбирать между рифмой и разумом – и выбрал разум».

Набоковы постепенно адаптировались к новой жизни. Впрочем, «миссис Набокофф» неоднократно признавалась, что из нее никогда не получится идеальная американская домохозяйка: она не любила кухонные хлопоты и старалась держаться от плиты так далеко, как это только было возможно. И еще ей совсем не нравилось, что их сын начинает отдавать предпочтение не Гоголю, а «Супермену». Надо полагать, что муж был с нею согласен – супруги редко расходились во мнениях. Известно, что, если Вера плохо отзывалась о книге, Владимир не считал нужным даже от-

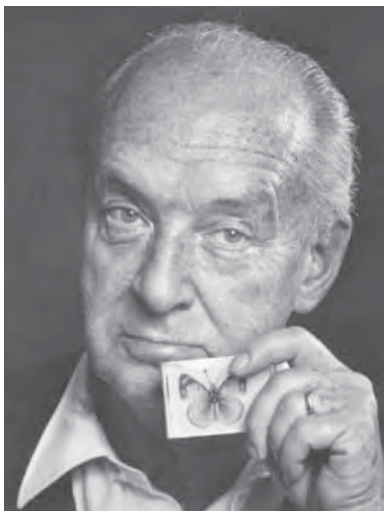
кривать ее. Набоковы были настолько довольны обществом друг друга, что за все годы совместной жизни не обзавелись близкими друзьями. Одна из приятельниц говорила о Вере, что та была бы счастлива даже в пустыне, лишь бы с Владимиром. А как удачно подметил один из биографов, они были парой, которая могла отлично развлекаться в компании друг друга и пары словарей.

Бескомпромиссность Веры проявлялась и в том, что она не бралась за работу переводчицей, если оплата ее не устраивала. При всей беззаветной преданности мужу и полном растворении в его делах и творчестве Вере всегда и во всем была свойственна только высокая самооценка.

Благодаря протекции друзей Набокову удалось получить место преподавателя русской и мировой литературы (сначала в частном гуманитарном колледже Уэсли, а потом в Корнеллском университете). Курс из тридцати лекций был разработан Верой, тот самый курс, который позднее лег в основу опубликованного сборника лекций Набокова. Параллельно с университетской работой она выступала в роли агента

Вера Евсеевна Слоним-Набокова

Владимир Владимирович Набоков

мужа, общаясь с издателями и переводчиками, рассылая рукописи в редакции и журналы. В отсутствие мужа во время выездных выступлений занималась работой отдела чешуекрылых в Музее сравнительной зоологии, с которым Набоков профессионально сотрудничал. А в летние месяцы сопровождала в поездках по другим штатам, в научно-творческих экспедициях этого страстного энтомолога, который так и не научился водить машину. Все мысли Набокова, как обычно, стремились к недописанной странице: в Америке он начал писать по-английски, хотя признавался, что поначалу это давалось очень нелегко. С каждым годом их брак все отчетливее развивался в стремлении к объединению двух целей – жизненного и творческого комфорта для Владимира и успеха для Веры. Она сама во многом была создательницей писателя Набокова – обеспечивая ему максимально благоприятные условия, ограждая от отвлекающего повседневного быта, принимая на себя все организационные и издательские дела, помогая на всех этапах творчества. Вера позволила стать ему тем, кем Набоков остался в истории мировой литературы. В университете Вера сопровождала мужа-профессора почти на каждом занятии: сидя на первой парте, не сводя с него глаз, она не единожды прослушала курс лекций, к которому сама приложила немало сил. « Попрошу внимания, леди и джентльмены, – мой ассистент! » – гордо провозглашал Набоков. Ассистент сделалась персоной столь же легендарной, как и сам преподаватель. Она приводила его в аудиторию, номер которой он частенько забывал. Если профессор забывал цитату или страницу, она подсказывала, если он терял очки, она занималась розысками. Она подавала нужные записи, рисовала необходимые схемы, стирала мел с доски. Готовила лекции по нелюбимому писателем Достоевскому, принимала на себя шквал экзаменационных работ (набоковский курс становился все более популярным) и зачастую даже повышала студентам оценки.

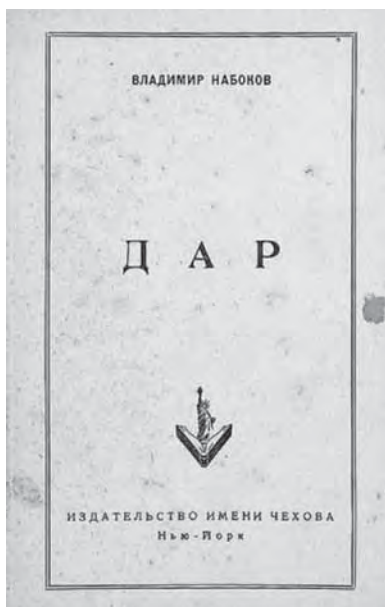
Но лекции для Набокова писала Вера, иногда читала за него курс, если муж болел или капризничал. Студенты побаивались сфинксообразной особы в черном платье и за глаза называли Веру «седой орлицей» или «злющей западной ведьмой». Соседи наблюдали другую картину. Например, как во время переезда Вера тащила тяжелые чемоданы, а муж нес маленькую на-

стольную лампу и шахматы, как зимой «миссис Набоков» чистит машину от снега, как в непогоду она несет мужу на работу зонтик и галоши. Набоков и не заметил тех трудностей, которые обычно приносит в дом рождение ребенка. Для него это было золотоволосое чистенькое чудо – не более. Утро Набокова начиналось с фирменного коктейля жены: яйцо, какао, апельсиновый сок, красное вино. Он сидел дома и творил: в часы вдохновения по 15-20 страниц в день, в иные вымучивал тринадцать строчек за 17 часов. Ни слова упрека – гений вне критики (в гениальности мужа Вера не сомневалась никогда).

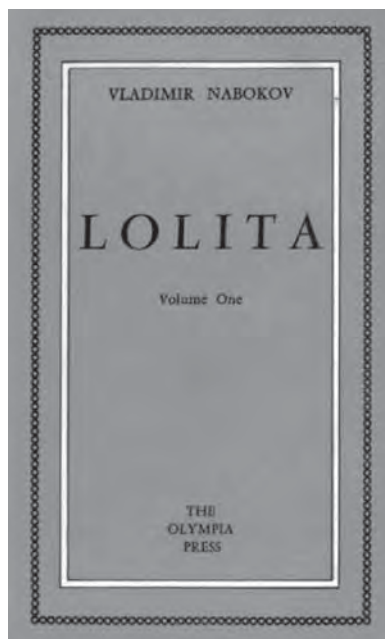

Владимир и Вера Набоковы за любимым делом. Итака, 1958. Фото Карла Майданса – автора исторических фотографий подписания капитуляции Японии на линкоре «Миссури»

Своим появлением на свет роман «Лолита» обязан Набокову, но вот своим существованием – только его жене. Набоков с трудом привыкал писать на английском. Рукописи неоднократно грозило сожжение, и Набоков не единожды порывался это сделать: в течение нескольких лет, когда он писал самое скандальное произведение XX века, его одолевали технические сложности и сомнения. Известно, что осенью 1948 года именно Вера выхватила из пламени «Лолиту», когда Набоков в минуту отчаяния развел за домом огонь и бросил туда рукопись. «Это необходимо сохранить!» – припечатала она, затоптав огонь на спасенных листах. И в последующие годы она еще будет уговаривать его не уничтожать роман. Беспокойство Набокова по этому поводу было понятно – вплоть до 1958 года никто не брался издавать «Лолиту», ни одно издательство не желало брать на себя смелость выпустить эту «бомбу замедленного действия». Особенно рискованным шагом была публикация такого

Обложки первых изданий романов В.В. Набокова.
«Дар». Нью-Йорк, 1952 год

«Лолита». Париж, 1955 год

романа человеком, занимавшим должность университетского профессора. Вера сражалась с европейскими издателями – скандальное произведение дважды запрещали во Франции. Успех «Лолиты» был поистине сокрушительным, хотя бестселлер не избежал превратного истолкования, а главное – непонимания, что происходит порой, и особенно в наше просвещенное «политкорректное» время.

В Англии издатели с трепетом ждали новостей из парламента, не зная, то ли им придется завтра отправиться в тюрьму, то ли можно будет начать рассылку напечатанного романа по книжным магазинам. Но в итоге Вера победила. Успех «Лолиты» был сокрушительным – журналисты взяли в осаду дом Набоковых и отель, где они останавливались. В Америке был продан почти миллион копий романа. «Все это должно было случиться тридцать лет назад», – с горечью заметил Набоков. Вера занималась всем сразу: от-

«Бледный огонь». Нью-Йорк, 1962 год

«Истинная жизнь Себастьяна Найта».
Нью-Йорк, 1941 год

вечала на телефонные звонки и письма, корректировала гранки, переводила сама. Однажды ей пришлось со словарем проверять шведское издание: там отсутствовали целые абзацы, некоторые мысли были искажены. Вера вынудила типографию сжечь тираж. Она умела торговаться: заключая новый длительный контракт, вписала в него пункт, учитывающий инфляцию. Издатели посмеялись, но через несколько лет, когда инфляция в Америке стала реальностью, вспомнили Веру недобрым словом. Набоковых осаждали репортеры, издатели, голливудские продюсеры, посыпалась лавина писем, звонков, отзывов в прессе. Ураган «Лолита» захватил весь мир – профессор литературы с ассистентом превратились в скандально известного писателя и его знаменитую жену. Через несколько месяцев «Санди Таймс» опубликовала рейтинг лучших книг года – и «Лолита» вошла в первую тройку. Через год «непристойный роман» возглавил список мировых бестселлеров.

«Приглашение на казнь». Париж, 1938 год

«Защита Лужина». Берлин, 1930 год

В связи с обвинениями, посыпавшимися на голову Набокова после публикации этого романа, хотелось бы привести отдельные высказывания супругов, косвенно характеризующие систему их взглядов по проблемам морали. Набоков: «Я мыслю, как гений, пишу, как выдающийся автор, и говорю, как дитя. Я никогда в жизни не напивался. Никогда не употреблял мальчишеских слов из трех букв. Никогда не работал в конторе или угольной шахте. Никогда не принадлежал к какому-либо клубу или группе. Я с отвращением отношусь к бульварному чтиву и к популярным музыкальным ансамблям, презираю музыку притонов и ночлежек, не воспринимаю «научную фантастику» с девками и громилами...» «Меня с души воротит от дешевых фильмов – в них калеки насилуют под столом монашек, голые девки трутся грудями о смуглые тела отвратных молодых самцов. Секс как общественный институт, секс как широкое понятие, секс как проблема, секс как пошлость, – все это я нахожу слишком скучным для разговора. Давайте оставим секс в покое».

Гуманитарную позицию Набокова хорошо характери-

зует письмо, которое он послал бывшему однокласснику-тенишевцу Самуилу Розову, израильскому архитектору, отправленное в 1967 году после Шестидневной войны: «Всею душой глубоко и тревожно был с тобой во время последних событий, а теперь ликую, приветствуя дивную победу Израиля».

В конце 50-х Набоковы вернулись в Европу и поселились в швейцарском отеле в Монтре, где Вера провела последние тридцать лет жизни. Всемирно известный писатель, снискав славу и состояние, упорно отказывался приобрести собственное жилье, отвечая на недоуменные вопросы, что у него... уже есть один дом – в Петербурге, куда ни ему, ни Вере не суждено было вернуться.

В Швейцарии Набоков стал главной «достопримечательностью», в отель постоянно стремились журналисты, поклонники творчества, туристы, биографы – со всем потоком посетителей приходилось справляться Вере, которую буквально заваливали письмами звонками, просьбами о встрече и мнении. Помимо этого,

она не оставляла обязанностей редактора, переводчика, секретаря, уделяя внимание и текущей работе писателя. Она стала «Набоковым» для публики, его голосом, во многом мифологизируя образ писателя в глазах внешней аудитории и оставаясь для него единственно желанным читателем, понимающим его с полупамята.

В Швейцарии Вера провела последние 30 лет жизни. Набоковы не принимали ничего того, что было связано с Советским Союзом. Писатель говорил, что русский нужно учить не для того, чтобы знать, что думает о войне Сталин, а чтобы знать, что думал о войне Толстой. Муж и жена отказались от знакомства с Чарли Чаплином, симпатизировавшим коммунистам. Не меньшую неприязнь вызывали у них и немцы. Вера, явно не отличавшаяся толерантностью, говорила после окончания войны: «Теперь все бросились помогать «бедной Германии», без которой Европа яко-

бы не может жить. По-моему, очень даже может». Владимир откровенно наслаждался подобными провокациями жены.

Достаточно интересной личностью был Дмитрий Владимирович Набоков (10 мая 1934, Берлин – 23 февраля 2012, Веве) – американский переводчик и оперный певец (бас), единственный сын Владимира Набокова и Веры Слоним. Предмет родительской гордости и тревог, он, успев побыть автогонщиком и поработав переводчиком, всерьез занялся оперной карьерой. В 1951-1955 годах изучал в Гарвардском университете гуманитарные предметы, в основном литературу и историю. После окончания поступил в консерваторию Longy School of Music в Кембридже (штат Массачусетс) по специализации вокал (бас), а затем стажировался в Милане. Оперный певец (в 1960-е годы выиграл конкурс молодых певцов вместе с будущей мировой звездой тенором Лучано Паваротти). В 1961 году вместе с Паваротти дебютировал в опере Дж. Пуччини «Богема». Профессионально пел до 1982 года. Преподавал русский язык. Увлекался скалолазанием и автоспортом, принимал участие в автогонках до 1965 года. Пробовал свои силы в кино, снялся в итальянском фильме «Гиена в бронированном сейфе» (1968). По словам самого Дмитрия Набокова, в 1960-х годах он работал на ЦРУ, выполняя задание в Италии. Известность приобрел как издатель и литературный переводчик на английский язык русских произведений своего отца. Первые литературные переводы нескольких рассказов и романа «Приглашение на казнь» осуществлял под надзором и патронажем отца в конце 1950-х годов. Создал «Фонд американских друзей музея Набокова».

В последний год жизни Владимир Владимирович постоянно болел – сдавали сердце и легкие. Его тело умирало, а душа цеплялась за Веру. Ворчал: «Я бы не возражал полежать в больнице, если бы ты была рядом, положил бы тебя в нагрудный карман и держал при себе». 2 июля 1977 года сердце Набокова остановилось. Вера и Дмитрий были рядом. На траурной церемонии Вера не проронила ни слезинки. Семья старалась держать удар, но в порыве отчаяния она бросила сыну: «Давай наймем самолет и разобьемся!». Пережив мужа на четырнадцать лет, продолжая неустанно заботиться о его литературном наследии, она оставалась его самым верным и преданным партнером. Поразительно,

но ее жизнь мало изменилась после смерти супруга: пятьдесят лет центром ее существования была не она сама. В последние годы Вера страдала болезнью Паркинсона, правая рука плохо слушалась, но, как всегда, она была загружена работой, консультировала биографов, выдавая микроскопические частицы правды. «В моей жизни было много всякого интересного», – так Вера ловко уходила от слишком прямых дотошных вопросов.

В возрасте восьмидесяти девяти лет 7 апреля 1991 года Вера Набокова тихо скончалась в том же городке Веве (Швейцарская Ривьера, франкоязычный кантон Во) на берегу Женевского озера. Прах, согласно ее воле, смешали с прахом мужа. 23 февраля 2012 года в госпитале в том же Веве от воспаления легких скончался и Дмитрий Набоков. Несмотря на то, что он «жил яркой, кипучей любовной жизнью», он так и остался холостяком и детей не имел – слишком высока была планка семейной жизни, установленная его родителями. Таким образом, этот яркий и талантливый род не оставил потомков.

«За каждым великим мужчиной стоит великая женщина, даже если издали она похожа на тень» – эта английская поговорка повторена столько раз, что принимается за клише. Но в случае женщины, которой в действительности посвящены все произведения великого писателя, эти слова не только уместны, но даже не передают всей полноты той роли, которую блестяще сыграла Вера Набокова в жизни супруга. Владимир Набоков говорил: «В любви нужно быть как сиамские близнецы: один чихает, когда другой нюхает табак», – и называл свой брак с Верой «божественным пасьянсом». Находясь в тени и не улавливаемая крупным планом, она была и останется всегда рядом с гением Набокова, которому самоотверженно посвятила всю свою жизнь. Вере Набоковой по праву принадлежит место в числе самых прославленных жен в русской культуре.

